

Тимур Гагин. Откуда летит время

— Ваше Величество...

Королева-мать медленно отвернулась от окна, как бы не желая отрывать от него взгляд, и, наконец, посмотрела на говорящего.

— Да?

— Его Высочество вернулся.

— Хорошо. — королева вновь повернулась к окну. — Где он сейчас?

— Занимается с фехтовальщиком, что гостит в замке.

— Не с фехтовальщиком, а с учителем фехтования. — Королева говорила ровно, не повышая тона и не оборачиваясь. — С фехтовальщиками развлекаются, лоботрясничают, а у учителя учатся. Ты ведь не хочешь, чтобы про принца говорили, что убивает время в развлечениях?

— Его Высочество занимается сейчас с учителем фехтования, — послушно исправился собеседник.

— Хорошо.

Повисла пауза и тот, кто говорил с королевой, человек невысокого роста в придворной одежде и слегка сутулый от многолетней привычки кланяться, понял, что беседа окончена. Королева полностью погрузилась в созерцание вида за окном. Человек в придворной одежде давно уже не пытался понять, что такого видит в окне королева, что может занимать ее целыми днями. Он просто привык, что если нет никакой настоящей государственной необходимости, ее величество целыми днями глядит в окно. Всегда в одно и то же: высокое стрельчатое окно в покоях бывшего короля — ее мужа. А государственная необходимость стараниями человека в придворной одежде случалась здесь не часто.

Шпага в руках юного принца мелькала быстро, точно, словом, правильно. Чувствовалась хорошая школа. О шпаге в руках его напарника этого сказать было нельзя. Сказать можно было другое: эта шпага летала легко и изящно, непредсказуемо и вдохновенно. Тут уже роль играла не школа, тут ощущалось мастерство. Ощущалось исподволь, на уровне внутреннего подрагивания тех струн или жилок, что равнодушны в человеке к встрече чем-то необыкновенным, недоступным простому смертному. Впрочем, на этот раз исподволь ощущать было некому: никого в обеденной зале кроме принца и его соперника не было, так что никто не мог оценить ни сосредоточенную работу его высочества, ни легкую расслабленность и озорные блески в глазах владельца изящной шпаги. Бой был очевидно не всамделишный, острые наконечники были заботливо укрыты пробковыми наконечниками, да и в движениях участников сквозило скорее стремление к созданию уникального и неповторимого рисунка, чем азарт разрушения. Вот принц поморщился: в стройных его движениях промелькнуло что-то неуверенное, что смазало всю картину. Принц взмахнул шпагой в салюте, отмечая окончание боя, поклонился и, сняв пробковый наконечник, аккуратно вложил шпагу в ножны, висевшие на стене обеденной залы. В зал тут же неслышно вошел человек в придворной одежде.

— Его высочеству будет угодно повидать ее величество? — спросил он, не подымая глаз.

— А где мама?

— Как обычно, Ваше высочество.

— Тогда попозже.

— Вам напомнить, Ваше высочество?

— Спасибо, не стоит.

Человек поклонился и вышел, чуть скрипнув дверью.

— А ты не очень любишь его, принц, — заметил второй фехтовальщик. — Кто это?
— Наш первый министр. Правду сказать, и единственный.
— А что, больше не нужно?
— Да нет, — принц пожал плечами, — ему всего заботы: управлять замком. Раньше их было больше, но когда умер старый король — это мой папа — мама всех поблагодарила и отпустила в город. А этот остался.
— Почему?
— Должен же кто-то остаться. Вот он и остался.
— А... — собеседник принца пожал плечами, — ну это конечно.
— Ты здесь не живешь, фехтовальщик, потому не очень понимаешь, да? — принц поднял глаза и серьезно посмотрел на того, кого назвал фехтовальщиком.
— Признаться, не очень.
— Ну, конечно, министры уходят в город — это тот, что внизу у реки — всем королевством управляет вместо короля один министр, наследник скачет верхом в одиночестве по окрестностям в поисках интересных людей — вроде тебя — а королева весь день смотрит в окно, тут что-то не так, верно?
— Не обязательно, — фехтовальщик улыбнулся, — жизнь очень разная. В моих краях одна — у вас другая.
— Это верно, — принц вздохнул. — Что ты знаешь о волшебниках?

— Они говорят о волшебниках, Ваше величество, — министр приблизился к неподвижно стоящей королеве.
— О волшебниках? Хорошо. Пусть говорят.
— Его высочество собирался зайти к Вам.
— Хорошо.
— Может быть, его высочеству не стоит уж очень интересоваться темой волшебников?
— Может быть.
— Ваше величество не хочет поговорить с сыном об этом?
— Я посмотрю.

— Понимаешь, волшебников в нашем краю немало. Вообще-то они есть почти в каждом городе, который не принадлежит стране магов.
— Стране магов?
— Ты и про это не знаешь. Страна магов лежит на востоке. Впрочем, это раньше так было. Теперь, как кажется, она лежит почти везде вокруг.
— Они хорошо воюют?
— Нет, они вовсе не воюют. Города сами присоединяются к ним.
— Зачем?
— Так лучше. У магов все получается. У них всегда мир, а люди живут, как хотят. Ну и сыты, естественно.
— У вас тут, как я видел, дела идут не хуже.
— Так ведь и у нас тут тоже страна магов. Ну, не совсем еще, но по сути — так.
— «Так» — это как?
Принц нахмурился, подыскивая слова для объяснения, понятного чужеземцу.
— Вот живет себе город, управляет им король. Ну или герцог какой или князь — это неважно. Понятно?

Фехтовальщик улыбнулся добродушно, но немного насмешливо: «Понятно».

— Ну вот, а потом в город приходит городской волшебник. И живет в городе, пока город не захочет войти в страну магов.

— А что король?

— Король обычно не против: он все равно остается королем. Его никто не трогает. Бывает, что король не желает видеть в своем городе волшебника, но, во-первых, волшебник приходит не к нему, а к горожанам, а во-вторых, кто же тронет волшебника!

— И что, ни один король не захотел схватить волшебника?

— Говорят, когда-то захотел.

— И что?

— Новый король оставил его в покое.

— Как же, города вот так просто, потому что волшебник попросил, присоединяются к магам?

— Не к магам, а к стране магов. Как стать магом у нас никто не знает.

— А что, кто-то хочет?

— Еще бы! Ну вот, города, конечно, присоединяются не просто так. Волшебники часто живут в городах десятки лет. В соседнем с нашим городе никто уже и не помнит, когда тамошний волшебник появился. Тут все просто: город присоединяется к стране магов, когда кто-то, любой человек, придет к волшебнику и попросит о чуде. Ну, желание загадает. Волшебник выполнит желание, и город станет городом страны магов.

— Ты хочешь сказать, что десятилетиями не находится никого, кто бы захотел попросить волшебника сделать ему чудо? Что, никому ничего не надо?

— Нет, дело не в этом. Конечно, желания у всех есть. Но никто не хочет, чтобы волшебник ушел. Подожди, дай объяснить. Когда волшебник исполнит желание, и город станет еще одним городом страны магов, волшебник покидает его. Навсегда. А людям жаль. Волшебник ведь не просто живет. Он все равно чудеса делает. Без просьбы. С ним и надежно, и весело. Да и маги город защищают если что.

— Даже если он не вошел в их страну?

— Понимаешь, по сути, как все уже поняли, город становится частью их страны, как только в нем появляется волшебник. Так что просьба о чуде — это формальность. А так... Они ведь ничего не просят. Тыходишь в страну магов — и ничего. Ты не платишь, ты не служишь, ты не воюешь, ты просто живешь своей жизнью, как раньше.

— А что меняется?

— Просто, ну, как объяснить, тебе как бы больше везет. То есть, знаешь же, бывает, делаешь что-нибудь, а ерунда какая-то мешает, или обстоятельства не так сложатся, или люди не так поймут, или еще что. А как волшебники появляются, так все то же, только все мелочи — за тебя. Людям нравится.

— Ага, а как чудо попросили, волшебник уходит, и вся эта красота заканчивается?

— Не заканчивается. Но волшебник уходит. А это жаль. Он ведь еще и человек, говорят, хороший. Добрый, что ли. Помогает, если видит, что надо кому-нибудь. Наш, по крайней мере такой. Люди говорят.

— Ты что ж, рядом живешь, а своего волшебника не видел?

— К нему не принято ходить. Скажешь ненароком в разговоре просьбу, не подумав. А он исполнит. И уйдет.

— Что же, ваш волшебник так и живет отшельником?

— Ну, не отшельником. Он ходит по городу, с ним все здороваются. Улыбаются. Помогают поднести с рынка что-нибудь, дорогу показывают. Просто трудно это — все время думать, что говоришь. Поэтому и стараются все обойтись без слов. А он понимает и не настаивает.

— А ты что же, ни разу ради интереса не ездил в город на него посмотреть?

— Ездил. С мамой, когда был маленький. Только он в плаще с капюшоном ходит. Его не особенно разглядишь.

— А ты сам, о чем бы ты попросил волшебника, если бы было можно?

— Не знаю.

Королева отвернулась от окна и подошла к вошедшему принцу.

— Сынок, как тебе твой новый учитель фехтования?

— Он интересный. Я ему много рассказывал про наш город.

— Что ты рассказывал? — Королева склонила голову с заинтересованной улыбкой.

— О волшебнике, откуда он и зачем.

— О волшебнике... Конечно, о волшебнике.

— Мама, ты не думай. Я помню, что волшебника просить нельзя. Я и не собирался. Я помню предсказание.

— Ты хочешь обойти предсказание, сын? — Королева смотрела на сына печально, и улыбки уже не было в ее глазах.

— Ну, не обойти, так хоть оттянуть.

— Хорошо. Пусть будет по-твоему. Хотя...

— Ты так говоришь, как будто хочешь, чтобы предсказание сбылось.

— Какая разница, чего я хочу. Важнее, чего ты хочешь, сынок.

— Я пока не скажу.

— Конечно, не скажешь. Спокойной тебе ночи.

Министр подошел по своему обыкновению почти неслышно. Королева на сей раз не стояла у окна, а сидела в кресле, где разговаривала с принцем.

— Вы рассчитываете отменить пророчество, Ваше величество?

— Нет, — королева обернулась к нему. — Но хотя бы оттянуть.

— Ваше величество...

— Я знаю. Знаю, что пророчество не обманешь. Но я не знаю, что будет после. Я не знаю даже, нужно ли мне бояться пророчества или радоваться ему. Я знаю лишь, что сейчас мы живем неплохо. Может быть, немного одиноко, но неплохо. А что будет потом, когда пророчество исполнится — это мне не известно. Я не могу отменить пророчества, тут ты прав. Но я могу не хотеть его.

Королева встала и двинулась к окну. Тяжелое платье заструилось по полу, так что казалось, что королева проплывает от кресла к стене, разгоняя в стороны маленькие волны шелка и бархата. Сутулый министр торопливо отшагнул в сторону и тихо вышел. Королева осталась одна.

— Я могу не хотеть, — снова прошептала она, останавливаясь у окна. — Но, быть может, мне нужно именно хотеть?

И она обратила взгляд в окно, туда, где внизу, у подножия замка лежал, окруженный старой стеной, ее родной город. Там были люди, почти все, с кем прошла ее жизнь. И просто люди, которых она даже не знала, но которых не было в ее замке. Там, возможно, были друзья или даже подруги, там были рынок и площадь у ратуши, где заезжие комедианты давали представления, много чего было там, много чего такого, что в последние годы обходило стороной замок и устремлялось прямо туда, где жил теперь волшебник, и где не было ее, королевы и матери.

— Пойдем со мной, фехтовальщик.

— Куда? — разбуженный полусонный фехтовальщик смотрел на принца из полумрака балдахина несколько недоуменно.

— В город.
— Прямо сейчас?
— Ну, — принц выглядел уже немного смущенным, — утром. Или днем. Пойдем, я покажу тебе город.
— Самое подходящее время ты выбрал для того, чтобы предложить экскурсию, принц. — Фехтовальщик улыбался одними глазами, лицо у него было серьезное. — Почему бы тебе не сообщить мне об этом завтра, а?
— Пойдем мы завтра, — не сдавался принц, — но предупредить лучше сейчас. Мы пойдем пешком.
— Ну вот еще, — моментально проснулся фехтовальщик. — Верховую езду уже изобрели.
— Нет, — терпеливо пояснил принц, — мы пойдем пешком, чтобы нас не хватились.
— Мы что, бежим?
— Нет, нет. Просто мы хотим посмотреть на волшебника, а маме эта идея не нравится.
— А, — кивнул фехтовальщик, — этот ваш местный фольклор, понятно.
— Не знаю, что такое фольклор, — признался принц, но маму лучше не беспокоить.
— Она запретит ехать?
— Нет. Она даже не будет уговаривать остаться. Но беспокоиться она будет. А так мы, быть может, вернемся до того, как нас хватятся.
— Поэтому ты предлагаешь выйти теперь же.
— Ну... да.
— Ладно, спускайся к воротам. Я сейчас.

— Они идут в город, Ваше величество.
— Да.

Пока принц с фехтовальщиком спускались по дороге из замка к городу, уже слегка рассвело. Солнце, конечно, еще не взошло, но лица стекающих к городу окрестных торговцев уже можно было разглядеть, и цвета вполне различались. Принц одет был буднично, фехтовальщик и вовсе шел в своей дорожной одежде, так что излишнего внимания они не привлекли. Да и некому было обращать на них особенное внимание. Стражники у ворот больше заботились о том, чтобы произвести надлежащее впечатление на торговцев, а те, в свою очередь, пеклись о сохранности товара и о том, чтобы раньше других поспеть на рыночную площадь. В общей суете принц с фехтовальщиком прошли в городские ворота практически беспрепятственно, если не считать телег, лошадей, ослов, мулов и опять-таки торговцев, сцепившихся между собой: ослы и мулы — упряжью, а торговцы — просто так, на словах.

— Ну, и куда теперь? — поинтересовался фехтовальщик, когда они выбрались из привратной толпы.

Принц задумчиво огляделся по сторонам.

— Волшебник живет где-то у других ворот, на отшибе. Туда обычно мало кто ходит, я рассказывал почему. В общем, я туда тоже не ходил. Так что давай искать вместе.

— Ну да, это у тебя называется «показать город».

Принц улыбнулся немного виновато и пожал плечами, но глаза его улыбались с хитринкой. Мол, ты ведь знал, что дело не в достопримечательностях.

— Ладно хоть насчет волшебника не провел, — усмехнулся фехтовальщик. — Или, — тут он настороженно посмотрел на принца, — здесь тоже что-то не так?

— Ну... — принц нагнул голову, так что взгляд его пришелся теперь как-то исподлобья, — да.
— Ага, — фехтовальщик посмотрел на принца внимательно. — И что именно?
— В общем, — принц посмотрел себе под ноги, потом выдохнул и расправил плечи, — в общем, было пророчество. Еще до моего рождения. О том, что волшебник уйдет из-за меня. Что однажды, когда я вырасту, я приду к нему и попрошу. Вот я и вырос.
— А кто напорожил?
— Не знаю. Может, сам волшебник, может другой волшебник, не наш, а может еще кто-нибудь. Только пророчества у нас обычно сбываются. Так что ты не сомневайся, пророчество настоящее, не сплетня какая-то.
— Да я не сомневаюсь, у вас тут всё... может быть. Поэтому и мама не хотела, чтобы ты ездил в город?
— Да. Она все говорила, что там есть слова «когда вырастет». Ну и что, наверное, еще рано.
— Понятно. — фехтовальщик посмотрел на принца, как будто вновь знакомился: испытующе и как бы оценивая. — Что просить-то будешь?
— Ну, — принц нахмурился, — я пока не буду говорить, ладно? Вот волшебника найдем.
— Давай хоть спросим, где его искать.
— Может быть, лучше не надо?
— Почему?
— Это не очень принято.
— Мало ли что не принято. А как мы его тогда найдем?
— Ну, я не знаю.

Шумно на рынке. На рынке всегда шумно, и это не значит, что где-то беда. На рынке должно быть шумно, это значит, что на рынке все идет хорошо, рынок живет обычной нормальной жизнью. Тихо должно быть дома, — это начальник караула знал по себе. Если бы это знала и его жена... Ох. Вот о чем бы попросить волшебника. Но нет. Нельзя так обращаться со старым уважаемым человеком. Он, начальник охраны, будет доволен, а седой человек — покидай насиженное место и отправляйся в путь? Нет, такие дела ложатся на совесть — это начальник караула тоже знал. А на свою совесть лишнего бремени он не хотел. Пусть уж будет как будет, да живет богато наш город и да хранит его волшебник. Вон, кстати, его работник у лавки зеленщика стоит, покупки в тележку укладывает. Спиной к тележке стоит, не оглядывается. Правильно. Кто ж из тележки волшебника станет тащить?
Это, впрочем, начальник караула подумал больше по старой привычке — еще с юности осталась. С приходом в город волшебника на рынке стало куда спокойнее. Волшебник уже тогда был сед, хотя выглядел крепким. Сколько же ему сейчас, интересно?

— Три пучка лука, вон ту связку баранок и дыню. Хозяин просил дыню. И еще, пожалуй, яблок. Вот эти из корзины, слева от тебя. Спелые они?
— Конечно! — дородный добродушный торговец засмеялся, — как будто в первый раз. Как здоровье твоего хозяина?
— Да, да, как его здоровье? — поддержал вывернувшийся из окружающей толчеи городской начальник караула.
— А что ему будет? Волшебники не болеют.
— Всем бы так.
— Ага.

Широкоплечий мужчина в добротной одежде уложил в тележку последний куль с покупками, попрощавшись, подтолкнул своего осла и зашагал вслед за ним, держа путь туда, где толпа редела на краю рыночной площади. Занятый прокладыванием себе дороги, он, похоже, совсем не обращал внимания на двух людей в запыленной одежде, которые усердно работали локтями, чтобы не отстать от него. Однако, выбравшись из толчеи рынка, он остановился и, подождав, пока идущие следом выберутся тоже, обернулся к ним.

— У вас, вероятно, есть ко мне дело?

— Да. — тот, что помоложе посмотрел прямо и сосредоточенно, — нам нужно попасть к моему хозяину.

— Вы хотите видеть Чародея?

— Волшебника, — уточнил тот, что выглядел старше.

— Конечно, тут его зовут волшебником, — согласился человек с тележкой.

— А где его зовут Чародеем? — заинтересовался старший.

— Там, откуда он пришел сюда.

— Ты пришел вместе с ним? — удивился принц. Но ведь это было очень давно!

— Для тебя, юноша — давно. — Человек с тележкой смотрел на принца изучающе, почти так, как недавно смотрел на него фехтовальщик. — Для меня — не очень. Вы хотите видеть Чародея? Тогда идите за мной.

Дом чародея не впечатлял. То есть не то, чтобы он был мал или несолидно выглядел. Выглядел он просто старым. Не ветхим, не разваливающимся, не обшарпанным, а просто старым, хотя хозяин его, видимо, и заботился о том, чтобы стены были покрашены, а дверные петли не скрипели. Когда-то, наверное, прежний хозяин дома очень им гордился: дом был высокий и массивный, с каменными украшениями над входом и большими светлыми окнами. Черепичная крыша то тут то там бугрилась островерхими башенками, а на одной из них даже помещались часы. Принц присмотрелся: часы шли.

Разгрузив тележку, человек с рынка пригласил принца с фехтовальщиком пройти внутрь.

Изнутри жилище чародея оказалось просторным, и хотя и не содержалось в образцовом порядке, по-своему уютным. Едва гости вместе с провожатым вошли, из приоткрытой двери, ведущей куда-то вглубь дома, раздался приглушенный расстоянием голос:

— Сколько тебя не было? — голос звучал резко и потому был слышен отчетливо. Принц с фехтовальщиком переглянулись: казалось странным, чтобы у волшебника или даже чародея голос звучал так... непривлекательно.

— Не знаю, — откликнулся меж тем вернувшийся с рынка человек. — Я не следил за временем.

— А надо бы, — наставительно проскрипел голос, — время летит быстро.

— Куда? — это прозвучало немного насмешливо. «Похоже, волшебник панибратствует со слугами», — подумал принц.

— «Куда?» — это не вопрос. — ответил обладатель скрипучего голоса, — «Куда» — это вовсе не интересно. Интересней, откуда. Скажи мне, откуда летит время?

— Похоже, — прошептал фехтовальщик, склоняясь к уху принца, — от безлюдья ваш волшебник немного, ну, сбрендил.

— Вряд ли, — так же шепотом ответил принц, — с волшебниками такого не бывает. Вот только голос у него...

— Это да, — согласился фехтовальщик, — голосок у него еще тот. А насчет «не бывает» — кто это проверял? Вы тут, как я смотрю, привыкли все принимать на веру.

Тем временем их попутчик и проводник закончил добродушно переругиваться со скрипучим голосом и, усевшись в кресло, обратил внимание на гостей:

— Так что вам нужно?

— Нам нужен волшебник, — напомнил принц.

Повисла пауза. Человек в кресле смотрел на гостей дома заинтересованно и, пожалуй, где-то в глубине глаз озорно. Гости смотрели на него выжидающе. Молчание затягивалось.

— А-а! — вдруг понял фехтовальщик, внимательно разглядывая того, кто сидел в кресле. — Похоже, Вы волшебник и есть. То есть, как Вам, наверное, больше нравится, Чародей. Чародей улыбнулся, точнее чуть дрогнул губами так, что получилась улыбка — не просто улыбка, а улыбка Волшебника, и склонил голову.

— Да. Располагайтесь. Теперь вам нужно решить, ко мне ли вы пришли?

— А другого волшебника тут нет? — с некоторой надеждой в голосе спросил принц.

— Нет, я живу один. — Чародей пожал плечами, как бы извиняясь за то, что другого волшебника он предоставить не может.

— Но вы же с кем-то разговаривали?

— А! — Чародей улыбнулся на сей раз широко, совсем не по-волшебному, — это попугай.

Птица такая. Мажек, — это было обращено в сторону приоткрытой двери, — присоединяйся к нам.

Из двери вылетел довольно большой, темно-лиловый с прозеленью попугай и, хлопнув крыльями, сел на высокий напольный подсвечник тусклого металла.

— Добрый день, — прозвучал знакомый неласковый голос. — Чего это вы к нам?

— А почему его зовут Мажек? — спросил принц.

— А потому, — немедленно отозвался Мажек, — что птица мага — тоже почти маг. Только маленький. То есть мажек. Заметь, я хоть и птица, а на твой вопрос отвечаю. Будь и ты вежлив: ответь на мой.

— А какой твой?

— Я спросил, — в голосе Мажека явно звучал сарказм, — что вам тут нужно?

— Мы хотели видеть волшебника... ну, чародея.

— Ну, вот вы его видели, — Мажек смотрел сурово, — что дальше?

— Ну... — принц посмотрел на того, кого они повстречали на рынке и кто сидел теперь перед ними в кресле, — ну...

— Словом, — обернулся тот к птице, — не похожи мы с тобой на волшебников. Ни ты, ни я. Ну, ладно.

Кроме них с фехтовальщиком в комнате вдруг никого не осталось. Это было бы ясно, даже если бы принцу завязали глаза и заткнули уши. Рядом оглядывался фехтовальщик. На комнату как-то уж очень быстро опустились сумерки, и стены комнаты не вдруг, а незаметно, но ощутимо, сделались зыбкими, не прозрачными, но почти призрачными. В глубине зыбких сумерек, там, куда, должно быть, вела некогда замеченная гостями дверь, которой сейчас и не было вовсе, там, где сумрак казался уж очень вязким и не трепетал, а скорее переваливался и клубился, принц и фехтовальщик в облаке расплывающегося света сначала не увидели, а просто угадали появление Чародея.

Да, это был он, их рыночный знакомец. Черты лица были те же, и глаза смотрели так же: чуть насмешливо и немного грустно. Только это лицо было гораздо старше, бледнее, и волосы были не слегка, а совсем седые. Тот, кого видели сейчас перед собой гости волшебника, уже не казался пышущим жизненной силой здоровяком, он был стар и не слишком крепок. Это ощущалось явственно, хотя тело чародея и было скрыто под мягкими складками просторного одеяния — то ли плаща, то ли балахона. Видны был лишь лицо и руки — бледные, тоже точеные временем, с отчетливыми прожилками и костяшками. И лицо и руки казались как бы подсвеченными изнутри и, должно быть, от этого выглядели еще старше.

— Ну, что, так и будем молчать? — из состояния созерцания вывел визитеров слышанный прежде скрипучий голос. Раздавался он на сей раз из клюва золотисто-лилового грифона

внушительных размеров, что лежал у ног чародея, охлестывая неторопливо вздымающиеся бока хвостом с пушистой кистью на конце. от неожиданности принц моргнул.

Все вернулось на свое место: и комната, и попугай, и кресло, и кряжистый в нем человек средних лет и изрядного здоровья.

— Довольны? — спросил он. — Да вы садитесь, наконец.

Гости опустились в кресла, что оказались сзади.

— Пожалуй, в настоящем виде Вы все-таки... словом, так с Вами легче разговаривать. —

Проговорил наконец фехтовальщик.

— В настоящем? — поднял бровь чародей. — А какой из них, по-твоему, настоящий?

— Вот этот, нынешний.

— Нет, — чародей вздохнул, — этот как раз не настоящий. Но ты прав. В нем удобней разговаривать, да и вообще жить среди других. А так... Вообще-то это больше видимость.

— А зачем?

— Ты же сам сказал: легче разговаривать. Вам со мной. Ну и как следствие — мне с вами: вы меньше отвлекаетесь от сути, когда собеседник выглядит привычно.

— Сколько же Вам лет? — спросил принц. Чародей усмехнулся:

— Много.

— Но ведь Вы волшебник. В смысле — чародей. Сделайте себя молодым.

— Пожалуй, — чародей вздохнул, — это единственное, чего я не могу.

— Почему? — удивился принц. — Мне рассказывали, что волшебники из страны магов могут все.

— Все, — задумчиво сказал чародей, — все не может, наверное, никто. Можно мочь многое. Можно — очень много. Можно — почти все. Это как я. Но все — вряд ли. Ты не думал, принц, откуда берется волшебство магов?

— Наверное, у вас особые знания. Или талант. От природы.

— Да, — улыбнулся чародей, — это тоже. Но почему наши чудеса сбываются? Чем мы платим за это?

— Нет, — честно ответил принц, — этого я не знаю. Да и вряд ли могу знать. Говорят, вы это скрываете, чтобы другие не смогли быть магами.

— Есть те, кто сам догадался... Как ты сказал? Чтобы другие не смогли быть магами? А ты — лично ты — хочешь быть магом?

Принц подумал и ответил:

— Я хочу быть королем. И — магом.

— Ишь ты, — скрипнул попугай неодобрительно. Но продолжать не стал.

— А зачем? — чародей смотрел на принца внимательно, и тот вдруг побледнел.

— Ну вот, — вздохнул принц. — Пророчество — оно исполнилось.

— Пророчество? — чародей поднял брови. — Какое?

Тут уже принц посмотрел на него удивленно:

— Ну... я все-таки не удержался и — попросил.

— И не в первый раз за сегодня, — не преминул заметить попугай-грифон.

— А что за пророчество? — чародей казался искренне заинтересованным.

— Говорят, — стал объяснять принц, — что если кто-то, неважно кто, обратится к волшебнику с просьбой, тот исполнит ее, а потом уйдет из города, который станет тогда одним из городов страны магов. Потому что это будет Город, Который Видел Чудо. Из таких городов и состоит ваша страна. Так?

— В целом, — кивнул чародей, — так.

— Ну вот, — продолжил принц, — было пророчество, что в нашем городе к волшебнику, то есть к Вам, с просьбой приду я. И мама не хотела, чтобы я бывал в городе.

— Но ты пришел.

— Понимаете, — принц повел плечами и даже слегка покраснел, — в пророчестве сказано, что я приду, когда вырасту. И королем я стану тоже, когда вырасту. Так что, пока я не пришел к Вам, я не мог стать королем.

— А парень с амбицией, — каркнул Мажек и покачал головой то ли одобрительно, то ли насмешливо. Имея некоторый опыт общения с попугаем, фехтовальщик решил, что скорее насмешливо.

— И теперь ты будешь королем, — заключил чародей. Так в чем же просьба? И причем тут пророчество?

— Ну, пророчество! — принц посмотрел на чародея исподлобья, как недавно смотрел на фехтовальщика. — Пророчество есть пророчество. Хотя мне и не хочется, чтобы оно сбылось. Жители города меня невзлюбят.

— Почему?

— Потому что Вы уйдете из-за меня.

— И что с того?

— Как что? Они ведь любят Вас.

— Вот как? — тон чародея был изумленным, и с таким же видом он смотрел на попугая. — Ты слышал, Мажек, жители меня любят. Никогда не замечал.

Неизвестно как Мажеку удалось хмыкнуть, хотя клюв его не был к этому приспособлен никоим образом.

— Что же, — чародей вновь обернулся к принцу. — Я уйду, а тебя будут за это не любить. Я правильно понял?

— Ну... да.

Королева смотрела в окно на город, над которым уже встало солнце. Отсюда не было видно уличной суеты и толкотни на рыночной площади, зато отчетливо виднелись верткие флюгеры на остроконечных башнях и черепичных крышах. И скопление телег у ворот, медленно втягиваемое городом, тоже было видно.

— Он уже там, Ваше величество, — министр стоял за плечом королевы и тоже смотрел в окно.

— Может быть, — королева вздохнула, — это и к лучшему.

— Ты хочешь быть королем, и чтобы люди тебя любили?

— Да.

— А еще, — напомнил ехидно попугай, — он хочет быть магом.

— Да, — чародей улыбнулся грустно, — я помню. Но это вряд ли стоит принимать всерьез. Это он по молодости. И — глупости.

— Ну да, я понимаю, что в магии вы чужих не пускаете, это я уж так просто сказал, — серьезно кивнул чародею принц.

— Не пускаем? — улыбка чародея стала веселее. — это поклеп. От нас это просто не зависит.

— Не зависит? — это удивился уже фехтовальщик.

— Да, — чародей закивал головой и посмотрел на гостей уже совсем весело. — Вам это не приходило в голову? Но ведь это так просто: учеником мага — и, естественно, магом — может стать только тот, кто уже сотворил одно чудо. Любое. Но — чудо. Нечто волшебное. Сам.

— Сам? — во взгляде принца сквозило недоверие. — Один? А! То есть он должен быть сыном или дочерью другого мага? Это передается по наследству?

— Нет. — Чародей уже не смеялся, и взгляд его был обращен куда-то сквозь собеседников. — Нет, по наследству это как раз не передается.

— Тогда откуда берутся маги?

— Да, — поддержал фехтовальщик, — Вы начали было говорить о том, за счет чего происходят чудеса, но отвлеклись.

— Обрати внимание, это ты отвлекся, — вставил свое слово Мажек.

— За счет чего происходят чудеса? — чародей приподнял бровь, — разумеется, за счет мага.

— Как это? — фехтовальщик подался вперед, а принц не отрывал от чародея взгляда.

— Маг может собирать свою жизнь, скажем, в пучок. И расходовать его сразу, одновременно.

Большое чудо — большая часть жизни. Фокус — маленькая. Маг творит чудеса, и его время уходит. Все просто.

— Но ведь маги живут долго! — принц не мог поверить.

— Да. Маги живут долго. — Чародей вздохнул. — Чудеса имеют и обратное действие: люди, которым помог маг, что-то думают о нас, восхищаются, иногда любят, иногда благодарят в душе — не платить же магу в самом деле! Они не умеют собирать жизнь в один миг, но их много, и часть их тепла затрагивает нас. Это поддерживает и дает силы. То есть волшебство. Отсюда и чудеса. Кстати, потому маги и не любят творить волшебство злое: страх людей приближает нашу смерть.

— Но, — задумчиво спросил фехтовальщик, — разве не может один маг сделать чудо для другого? Скажем, омолодить его?

— К тому времени, как маг становится способен на это, у него остаются силы лишь на Последнее Чудо. Мелкие фокусы — не в счет. Одна жизнь за другую — что это меняет? — чародей, казалось, говорил сам с собой, будто решая что-то. — Чудо омоложения не имеет смысла. А так... Маги живут долго. Но стареют очень скоро. Ты молод, принц. Ты не захочешь стать магом.

На первый взгляд, радости горожан не было предела. Впрочем, на второй взгляд впечатление сохранилось. Казалось, в той толчее и тесноте, которая царила на всех близлежащих улицах, в окнах, на балконах и крышах, невозможно чему-то радоваться, но горожане не только радовались, но и делали это бурно, шумно и даже кое-где пытались танцевать. Трудно было поверить, что здесь может уместиться столько народу, но поверить приходилось: было похоже, что не только все жители города, но и все население окрестностей, а может, и соседних городов, собрались в один час в одном месте. Едва принц вышел из дома чародея, чьи-то руки подхватили его, подняли на плечи, понесли. Мимо: справа, слева, снизу, в окнах и на крышах мелькали счастливые лица, машущие руки, флаги и гирлянды, в воздухе мелькали шляпы и воздушные шары, глаза сотен людей были устремлены к нему, и принц видел, как на эти глаза — детские, юные, по-взрослому серьезные или по-стариковски мудрые, добрые, озорные или лукавые, яркие, широко открытые и глубоко посаженные, большие, раскосые, зеленые, голубые, карие, синие, словом — разные — как на глаза эти, когда принц отражался в них, наворачивались слезы.

Передавая с рук на руки, люди несли его над собой, а навстречу ему несли, стремительно нарастая, заполняя собой тесное пространство улиц и выплескиваясь на крыши и дальше — в небо — приближался и подхватывал могучими волнами восторженный крик города: «Да здравствует король!»

— Ваше величество...

Это обращение было еще совсем непривычным, и он не сразу откликнулся, так что бургомистру пришлось повторить еще раз:

— Ваше величество.

— Да. — Это да прозвучало не только как ответ бургомистру, но и как согласие. Дескать, «да, величество. А ты думал?»

— Ваше величество, — в третий раз повторил бургомистр, — желает ознакомиться с отчетом о расходах на вчерашнее празднество и положении дел в городе?

— А разве, — удивился новый король, — мы не входим в страну магов?

— Конечно, входим, — пояснил бургомистр. — Но править-то все равно будете Вы, Ваше величество.

Ну да, величество это про него. Значит, править будет он. Понятно. Наверное.

— А мама? — вопрос прозвучал не совсем по-королевски, но что теперь делать?

— Ее величество сможет теперь отойти от дел, — серьезно сказал бургомистр, — и жить частной жизнью. Вчера она прибыла в город и поселилась в своем доме.

— У мамы есть дом в городе?

— Да. Уже много лет. Нам пришлось спешно его ремонтировать.

— Но почему мама жила там, в замке? Ведь это было... скучно. Ей.

— Ее величество считала, что царствующим королям это больше подобает. Конечно, вы можете решить иначе.

— Я хочу жить здесь, в городе, — быстро ответил бывший принц, уже начавший привыкать к титулу «величество».

— Как Вам будет угодно, — бургомистр склонился перед королем, но даже по его обычно невозмутимому лицу королевского чиновника было видно, что эта новость ему по душе. — Так Ваше величество желает ознакомиться с отчетом?

— Потом, наверное.

— Как Вам будет угодно, — бургомистр передал помощнику одну пухлую папку и взял взамен другую, куда тоньше. — Тогда, быть может, вы захотите отдать распоряжения о похоронах?

Королева стояла у окна. Правда окно это было другое, из него была видна рыночная площадь, соседние дома, пестро наряженные в честь вчерашнего праздника, доносился разноголосый шум, в котором изредка угадывались слова «Да здравствует король!» Город все еще праздновал и веселился. Уже не так бурно и тесно, как вчера вечером, когда королева въехала в свой городской дом, уже более камерно и семейно, отдельными компаниями, но гул праздника еще стоял над городом и не хотел угасать. Впрочем, королева не испытывала неудобства. Город принял ее сына, и праздник этих людей шумел в его честь. Королева была благодарна им.

Было и еще одно отличие. Королева стояла не одна. Нет, за ее спиной не было министра.

Рядом с нею, обняв за плечи стоял тот, кого могли узнать разве что молодой король, старый министр, да, пожалуй, еще городской волшебник, вздумай они вдруг здесь появиться. Но и они знали его как заезжего учителя фехтования. Только сам он да еще королева во всем городе знали, кто он на самом деле. Ученикам магов не полагается афишировать род своих занятий. Это нескромно.

Молодой король почувствовал себя неуютно и как-то зябко.

— О похоронах? О чьих?

— Городской волшебник умирает, — объяснил бургомистр. Мы хотели проститься. Мы надеялись, что Ваше величество не будет возражать.

— Конечно... — недавний принц и нынешний король почувствовал себя как-то нереально и даже голос свой услышал будто со стороны, — но... как? Почему умирает? Совершив чудо, волшебник — он уходит. Он уходит, разве не так?

Он искал ответ в глазах бургомистра, он пытался понять, что же изменилось в этом мире, который еще пару минут назад был таким теплым и дружелюбным.

— Все верно, — бургомистр кивнул королю, как бы поняв его состояние и желая ободрить, — Ваше величество правы. Так он и уходит. Это было его Последнее чудо. Разве вы не знали? Волшебники всегда так уходят. Вы ведь не думаете, что волшебники бросают свои города.

Они творят чудо и умирают. Поэтому жители как можно дольше не просят их о чуде. Неужели Вам этого не говорили? — бургомистр казался удивленным. И вдруг в его глазах мелькнуло понимание, — Пророчество! Да? Вам просто не сказали?

— Да, — голова короля опустилась вниз, и осанка его в этот миг была совсем не королевской, — мне не говорили. Этого мне не говорили.

Король молчал, и бургомистр не прерывал молчания. Ему казалось, он понимает, что творится сейчас в королевской душе. Старый бургомистр очень хотел помочь, но он не знал, как. И молчал. И смотрел в пол. Королевские слезы — не для подданных. Во всяком случае, так считалось раньше.

Грифон-попугай лежал рядом на полу и лишь изредка поднимал голову. Бока птицы-льва опадали тяжелыми вздохами, а хвост был неподвижен. Мажек молчал и, казалось, ни на кого не обращал внимания.

Над ним, на высокой резной кровати под приопущенным балдахином лежал чародей. Он выглядел по-настоящему: седая голова лежала на подушке неподвижно, бледное лицо еще немного светилось изнутри, но руки уже почти полностью были скрыты в тонком зыбком сумраке, густевшем у ног, но пока еще отступавшем у изголовья. Глаза чародея были открыты, и молодого короля он узнал. Губами чародей не шевелил, но слова его прошелестели в голове короля:

— Здравствуй, принц. Прости. Ты ведь уже король. Здравствуй, король.

— Здравствуй, чародей.

— Я выполнил твою просьбу.

— Да. Но ты обманул меня, чародей.

— Я?

— Ты не сказал мне, что умрешь.

— Разве ты не знал этого, король?

Король не ответил сразу. Он вспомнил вчерашний день, весь, с раннего утра и до вечера. Он вспомнил встречу с чародеем и их разговор. Он вспомнил свои вопросы и его ответы. Он вспомнил то, что знал раньше. И ответил:

— Я знал это.

— Тогда не сердись на меня, мой мальчик.

— Я не сержусь, — король усмехнулся, и усмешка вышла хриплой. Быть может, потому, что вместе с королем вздохнул и грифон-попугай.

— Скажи мне, чародей... Ты ведь не умрешь прямо сейчас, мы успеем поговорить?

— Хорошо.

— Скажи мне, чародей, ты можешь не уходить?

— Нет, не могу, король.

— Не называй меня королем.

— Хорошо.

— Пстой, я спрошу не так. Ты можешь не уйти, остаться с нами, с городом,.. со мной?

— Я не знаю.

— А! — искра надежды, опасливой и потому торопливо спрятанной, мелькнула в глазах молодого короля. — значит, можешь. Скажи, как? Скажи, что делать? Скажи, я сделаю.

— Я не сказал, что могу. Я сказал, что не знаю. Такого еще не случилось.

— Ну подумай, подумай, — король не отрывал глаз от гаснущего лица чародея, — подскази, ты только подскази, дальше я сам.

— Чего ты хочешь? — эти слова прошелестели совсем тихо, и серая зыбь придвинулась к лицу чародея.

— Я хочу, — король подхватил легкое тело чародея за плечи и, придерживая голову, приблизил его лицо к своему, как бы стараясь вытащить его из обступающего колышущегося сумрака, — я хочу, чтобы ты остался, чтобы ты жил!

Люди собрались у дома волшебника. Их было не меньше, чем вчера, только теперь они стояли молча, напряженно вглядываясь в окна дома. Головы их, несмотря на вечерний час, были непокрыты. Люди ждали. Они пришли проводить волшебника, но вовсе не хотели его торопить. То тут, то там в руках мелькали корзинки с провизией: жители города были готовы прождать всю ночь, и следующий день, и следующий. Они не торопили смерть волшебника, который прожил в их городе всю их жизнь, но хотели проводить его, когда он уйдет. Город ждал. Ждал тихо и спокойно.

Мгла отступила разом. Не пропали ни седина, ни бледность, но кожа засветилась изнутри ровным мягким светом, и серая зыбучая темнота пропала вовсе. Чародей лежал на кровати, прикрытый домашним балахоном. А над ним, ничего не стесняясь, плакал взхлеб молодой король. И усевшийся на резную спинку кровати лилово-зеленый попугай не спешил смеяться над ним.

Шепот волной прошел по стоящим плотной стеной горожанам и оборвался разом. Все взгляды устремились на ворота дома волшебника, на которые поднялся их новый король. Как вчера, он вновь видел сотни устремленных к нему глаз. В них не было вопроса. Просто ожидание. Люди ждали слов короля. Король постоял на воротах, будто не решаясь начать, а потом сказал:

— Волшебник остается...

На последних звуках голос его сорвался, но сказанное им уже покатилося дальше по улицам, по лицам и головам, по губам и глазам. И оттуда, издали, где в сумерках уже было не разглядеть конца улиц покатилося навстречу размеренно, приближаясь и набирая силу уверенно и торжественно совсем иначе звучащее вчера:

— Да здравствует король!

Стоявший на воротах ожидал, похоже, чего угодно, только не этого. Но звук ширился, разрастался в глубину, усиливался, отражался от стен домов и, вбирая в себя голоса все новых и новых людей, двигался вперед, к воротам чародея со всех сторон:

— Да здравствует король!

Губы молодого короля дрогнули, но вдруг на лицо его рухнул страх. Резко обернувшись, юноша спрыгнул с ворот и побежал к дому. А вдогонку ему все гремело, подхватывая на бегу: «Да здравствует король!» Только сейчас это молодого короля не радовало. Не переводя духа

он вбежал в комнату чародея, обхватил его за плечи и взглянул ему в лицо напряженно и испытующе.

Первым в королевских чувствах разобрался попугай. Прокашлявшись долго и обстоятельно, чтобы привлечь внимание людей, он поглядел на короля и, кивнув на чародея, объяснил:

— Это не он.

— Не он? — король перевел взгляд на чародея и переспросил, — не ты?

Тут понимание пришло и к чародею.

— Не я, — он улыбнулся. — На этот раз они сами.

— Ух. — Напряжение покинуло короля, и он сел прямо на пол, у изголовья кровати. — Ты все-таки остался. А говорил: «не могу».

Чародей поднял брови и переглянулся с попугаем.

— Я и не мог. Ты мне не поможешь сесть? Спасибо. Я и не мог.

— Но тогда... Ты ведь останешься?

— Ну, когда-то все уходят, и я тоже, но не теперь. Только это твоя работа. — Чародей внимательно посмотрел на молодого короля, и голос его прозвучал неожиданно глубоко. — Спасибо.

Король не ответил.

— Усваивает, — прокомментировал Мажек.

— Что же, — юноша говорил медленно, как бы вслушиваясь в собственные слова, — я тоже волшебник?

— Нет, — чародей улыбнулся, — еще нет. Но ты сделал свое Первое Чудо. А теперь решай сам: ты стал королем. Хочешь ты стать учеником мага?

Молодой король поднял глаза на чародея, потом отвел их, посмотрел вниз и вдруг поднял руки к глазам. Кожа его рук почти незаметно, но все-таки в вечерних сумерках вполне отчетливо светилась изнутри мягким, теплым светом.

И лишь где-то на краю сознания промелькнул восхищенный скрип грифонистого попугая:

— Нет, ну ты подумай, он только что заметил!